

УДК 008 (571.54)

А.Ю. Буянова

КУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ

A.Yu. Buyanova

THE CULTURAL STRATEGIES OF YOUTH IN POST-SOVIET BURYATIA

This article is devoted to studying of cultural strategies of Buryatia republic youth of the post-soviet period. Gathering of material was carried out by methods of the included supervision and interview, data of the Internet were involved. Ulan-Ude as a political, economic and educational capital of republic Buryatia becomes a center of all youth cultural strategies crossing. It was found out during the research, that in the city the informal youth (alternative strategy)

opposing the community rural (adaptive strategy), and «usual» (conventional strategy) youth is allocated. A cultural factor becomes the main distinguishing attribute.

Выделение молодежи в особую социальную группу стало возможным в результате индустриальной революции, которая обусловила многочисленные взаимозависимые изменения в обществе: увеличение продолжительности жизни, удлинение периода перехода от детства к взрослости, разделение сфер производства и досуга и т.д. Что касается молодежной культуры и связанных с данным феноменом явлений, то они стали порождением переходного периода от индустриального к постиндустриальному обществу. Данный период характеризуется выработкой нового мировосприятия, получившего название «постмодернизм» [1].

В современных социальных науках существует множество различных терминов для описания молодежных культурных идентичностей. Данные термины: молодежная культура, субкультура, контркультура, стиль жизни за время своего существования наполнились противоречивыми смыслами. Т.Г. Исламшина справедливо замечает, что в литературе по молодежной субкультуре существует значительная терминологическая неясность, и даже путаница, в качестве синонимов или различных, но соподчиненных друг другу социокультурных явлений используются категории «молодежная культура», «частичная молодежная культура», «молодежная субкультура», «молодежные субкультуры», «контркультура» и т.д. [2].

Среди исследователей культурных практик молодежи как за рубежом, так и в нашей стране большое распространение получили понятия молодежная культура, субкультура, контркультура. Первые работы, посвященные молодежной культуре, появились в 30-х гг. XX в., но всплеск интереса к этому феномену приходится на 50-60-е гг., когда молодежь была осознана как источник социальных проблем в обществах Запада [3].

За рубежом повышение интереса к культурной активности молодежи было обусловлено социально-политическими факторами: студенческие волнения во Франции, движения битников и хиппи в США и Европе, выступления против восстановления авторитарного режима в Западной Германии, деятельность голландских экстремистов, действия хунвейбинов («красных охранников») в Китае и т.д. Молодежные движения этого периода были порождены реалиями послевоенного времени, которые характеризовались особыми возможностями для молодежи: появлением свободного от работы времени, расширением возможностей для проведения досуга (в т.ч. развитие рекреационных ресурсов), наличием материальных средств для развлечений. Данные движения описывались посредством понятия контркультура. Если брать это понятие в более широком смысле, то все формы молодежного бунта против «истеблишмента» окажутся элементами «контркультуры». Если же брать контркультуру в более узком и более определенном смысле, мы получим некую равнодействующую всех форм молодежного протеста второй половины XX в., которая претворилась на рубеже 60-70-х годов в особый тип сознания и поведения, мироощущения и образа жизни [4]. Необходимо отметить, что по сей день не утихают споры вокруг общего и отличного между понятиями субкультура и контркультура. Е.Л. Омельченко отмечает, что субкультурные и контркультурные конструкты молодежных идентичностей исторически тесно связаны друг с другом. Общим в данных конструктах было стремление сделать *видимыми* разные и независимые молодежные активности для преодоления и критической ревизии теорий, основанных на унификации молодежи. Отличие заключалось в том, что внимание в них уделялось преимущественно молодежи разного классового происхождения и территории проживания, а также использовались различные методологии. Контркультурные конструкты в большей степени нашли отражение в философской литературе и получили широчайший резонанс в художественном творчестве (в рок-музыке, культуре хиппи и их многочисленных последователей), тогда как субкультуры – в рамках социологических и культурных исследований [5]. М. Соколов говорит о том, что понятие субкультуры постигла судьба большинства других наиболее употребляемых понятий социальных наук: оно получило множество не вполне четких определений, которые сделали его в высшей степени неоднозначным [6]. В советский период понятия субкультура и контркультура рассматривались исключительно в отношении капиталистического общества, критиковались как буржуазные, подменяющие «классовую борьбу» на конфликт поколений [7]. Первые попытки применить термин субкультура к советской молодежи были предприняты в середине 80-х годов, тогда они подразделялись на «позитивные», «нейтральные» и «негативные» и характеризовались в зависимости от отношения к советскому обществу. В это же время молодежные движения стали определять как неформальные молодежные объединения или неформалов. В самом названии «неформалы» артикулировалась стратегия противостояния, выпадения из официальных государственных структур.

Если исследователи молодежной культуры на западе дискутируют о том, что следует после «субкультуры», то в России этот термин «реанимировали», поскольку он хорошо отражает новые потребительские возможности молодежи в России, эквивалентные тем, что сформировались на Западе после Второй мировой войны [7]. На наш взгляд, использование понятия «молодежная субкультура» применительно к сегодняшним реалиям нецелесообразно. Во-первых, потому что в современном состоянии культурного плюрализма невозможно говорить о некоей господствующей культуре, по отношению к которой формируется субкультура. Во-вторых, говоря о субкультурах, исследователи, как правило, обращаются к досуговым практикам молодежи, вследствие чего из поля зрения выпадают другие важные составляющие жизни молодежи: учеба, работа, взаимоотношения с семьей и т.д.

Очень важно заметить и то, что употребление термина «субкультура» применительно к постмодернистскому дискурсу весьма условно и противоречиво, потому что постмодернизм характеризуется отсутствием доминирующей культуры как таковой. Поэтому постсовременную ситуацию можно описывать как кризис молодежного субкультурного движения в его модернистском толковании. Новая реальность породила совершенно новые способы самовыражения молодежи [2].

Стремительные изменения, происходящие в современном модернизированном российском обществе, реорганизация его социальной и экономической структуры, растущий научно-технический прогресс, увеличивающиеся темпы урбанизации приводят к переосмыслению места и функций человека в обществе и мире, его образа жизни, ценностей и норм. В современном обществе риска отсутствуют идентификационные нормы, молодежь постоянно находится в поиске культурной идентичности. В связи с этим, по нашему мнению, более адекватным теоретическим ответом на сегодняшний день является понятие культурная стратегия. Пространством, где молодежь может относительно свободно формировать свою идентичность, становится выбор культурной, а не политической или экономической стратегии [8]. В понятии «стратегия», в отличие от «субкультуры», подчеркивается подвижный, меняющийся характер культурной идентичности, позволяющий использовать самый разный культурный материал (музыку, стиль, пространство, практики) для конструирования индивидуального и группового отличия и подтверждения значимого статуса» [9].

Территориальные рамки данного исследования охватывают область этнической Бурятии, и конкретно г. Улан-Удэ, временной промежуток с 2004 по 2007 гг. При сборе материала использовались этнографические методы: интервью, включенное наблюдение. Проведя анализ эмпирических данных, мы пришли к выводу о том, что среди улан-удэнской молодежи выявляются три культурные стратегии: конвенциональная («обычная» молодежь), альтернативная («неформальная» молодежь), а также адаптационная (сельская молодежь в городе). Отметим, что вышеперечисленные названия не являются оценочными и носят символический характер.

Большую роль при построении культурных стратегий молодежью играет противопоставление своей общности «другим». «Другие/чужие определяются через характер культурных пристрастий (музыка, кино, медиа), отношение к Западу, характер потребления, творческую и коммерческую деятельность» [9]. Центром пересечения всех молодежных стратегий становится г. Улан-Удэ – столица Республики с населением 377 тыс. чел. (2006 г.). Между молодежными сообществами города разворачивается символическая борьба за культурное пространство столицы. Так, «неформальная» молодежь четко отличает свои культурные притязания от предпочтений «обычной» и сельской молодежи.

Городская неформальная тусовка является конгломератом молодежных сообществ и объединяет *панков, металлистов, рок-музыкантов, рок-фанатов* и т.п. Коммуникационные практики с тусовкой поддерживают *ролевики*, некоторое отношение к ней имеют *скинхеды*, есть отдельные представители *растаманства*, например, в поселке Восточный.

1) *Идеология тусовки*: представители неформальной молодежи города выстраивают свою идентичность, противопоставляя культурные притязания своей общности предпочтениям «остальной» молодежи: сельской, «конвенциональной» (в том числе криминальной). Главным отличием выступает не место проживания, уровень материального достатка, образования и т.п., а культурный фактор. Все «обычное»: приземленное, материальное, потребительское отвергается тусовкой, истинными ценностями провозглашаются духовность, инакость, своеобразие. Подобное отношение выражается неформалами к «взрослому» сытому обществу, которое «погрязло в потребительских инстинктах». Таким образом, выстраивается дихотомия: культурное – потребительское (обывательское).

2) *Практика тусовки*: особая роль членами сообщества отводится музыке, литературе, кино (эстетические предпочтения), важными являются совместное проведение досуга, поездки на значимые события (фестивали, рок-концерты). Коммуникация строится на чувстве единства, особом мировоззрении, общности интересов, противопоставлении «культурному большинству».

3) *Социальный портрет неформальной молодежи*.

Возрастная характеристика членов тусовки: 14-35 лет (встречаются люди старшего и младшего возраста). Средний возраст – 21 год. Молодые люди происходят из разных социальных слоев, как благополучных, так и неблагополучных, в основном, достаточно обеспечены. Общество не является типично мужским, девушки составляют от половины до 2/3, исключение составляют скинхеды, где большинство – мужчины. Общая численность весьма условна, от 200 до 1000 человек. Большинство участников сообщества – русские.

«Обычная» молодежь составляет абсолютное большинство на культурной сцене г. Улан-Удэ. Под понятием «конвенциональный» мы подразумеваем соответствие молодежи социальным нормам, традиционную траекторию социализации, вписанность в общественные структуры. Деление современной молодежи на «обычную» и «продвинутую» впервые было предпринято исследователями из НИЦ «Регион» в г. Ульяновск в результате многолетних эмпирических и теоретических исследований. На наш взгляд, эта классификация является актуальной и для г. Улан-Удэ, однако необходимым является введение категории «сельская молодежь в городе», которая проходит сложный и противоречивый процесс адаптации к социокультурному пространству столицы.

«Обычная» молодежь противопоставляет себя «неформальной» и «сельской», именно в данном отличии между тремя группами актуализируется стратегия культурного противостояния. В отличие от неформалов обычная молодежь организует коммуникационные практики, невзирая на стилевую идентичность и эстетические предпочтения. Круг общения конвенциональной молодежи формируется в дворовых компаниях (крайнее крыло – гопники), в зависимости от места обучения, работы. Обычная молодежь достаточно терпимо относится как к неформальной молодежи, так и к выходцам из деревень. Конфликтные ситуации часто порождаются между гопниками/неформалами/сельской молодежью. Обозначение «гопники» по мнению жителей Улан-Удэ заключает в себе негативный, пренебрежительный смысл, так окружающие называют людей, проживающих на окраинах города, а также в промышленных, рабочих районах, главным признаком которых считается бескультурье. Зачастую (не всегда оправданно) к ним причисляют людей, имеющих отношение к криминалу и тех, кто отбыл срок в местах лишения свободы, возможно, это связано с влиянием тюремно-лагерной культуры на молодежную среду гопников. В чем же заключается это противостояние? Отчетливой характеристикой нового времени становится проникновение «попсы» за рамки музыкального стиля. Способ восприятия жизни в контексте попсы отличаются: принципиально коммерческое ориентирование культурных практик, упрощение и схематизация жизненных проблем, обывательская романтизация жизненных перипетий, примитивизация духовных интенций, снижение профессиональной требовательности, прагматичный дилетантизм, отказ от аутентичности, акцентирование интимных банальностей. Мы имеем дело с социально-культурным эффектом коммерциализации не только всех сторон материальной жизни, но и всех сегментов духовного производства [10]. Таким образом, двумя полярными культурными стратегиями становятся альтернативная, которой придерживается неформальная молодежь и конвенциональная, приверженцы которой являются по мнению неформалов «апологетами попсы». Таким образом, стержнем альтернативной стратегии является отличие неформальной молодежи от основной молодежной массы, *толпы*. Инакость членов *тусовки* выражается в мировоззрении, образе жизни, эстетических предпочтениях и т.д. Для горожан – *обывателей*, горожан – *потребителей* существует множество обозначений: *серая масса*, *серое большинство*, *стадо*, *мейнстрим*, *цивилизация*, *попса*, *быдло* и т.п. Среднестатистический человек, по мнению неформалов, тот, для кого нормой является жизнь по принципу «*работа-кормушка-стойло*». Обычная молодежь, которая отличается от неформалов тем, что не ясно осознает свою стилевую идентичность, относится к последним по-разному: даются диаметрально противоположные оценки, от крайне неприязненных до положительных. Большинство «обычной» молодежи сходится во мнении, что неформалы «выделяются из толпы», этот факт приводит к различной реакции. Так, неформальная молодежь зачастую становится объектом нападков гопников и агрессивно настроенной сельской молодежи.

Особый феномен представляет собой сельская молодежь в Улан-Удэ. Со времени распада Советского Союза в Республике Бурятия четко обозначились две тенденции, в поисках «лучшей доли» ее покидают успешные люди, предпочитая экономически более развитые города, а также за границу, но в город стремятся сельские жители. Огромный общественный резонанс получили так называемые «нахаловки» – самовольно возведенные поселения в городской черте, которые доставляют многочисленные проблемы городской администрации. Улан-Удэ привлекателен для сельских жителей в силу многочисленных причин: это единственный развивающийся город в Республике, обладающий статусом столицы, образовательными, экономическими ресурсами, развитой инфраструктурой. Для сельской молодежи «входным билетом» в город является возможность получить образование. Для того, чтобы освоить социокультурное пространство города, молодому человеку предстоит пройти сложный и противоречивый процесс адаптации. В ходе исследования были выделены несколько объектов адаптации студента-сельчанина.

Объект I – город. Город Улан-Удэ для приезжих сельских студентов является новым социокультурным пространством, которое им предстоит освоить. При поступлении в вуз молодой человек оказывается на стыке двух культур: городской – модернизированной и сельской – традиционной.

Объект II – вуз. Особую важность проблема адаптации приобретает в условиях вуза, в процессе образования, транслирующего не только профессиональные знания, но и воспроизводящего культурный пласт общества. От позитивной адаптации сельского студента в условиях образовательного учреждения зависит формирование его личности. При поступлении людей в вуз важнейшие социокультурные условия их жизнедеятельности резко меняются: они попадают в новую среду, меняется содержание учебной деятельности, создается новое коммуникативное пространство не только во время аудиторных занятий, но и во внеурочное время. В студенческой группе сосредотачиваются ранее незнакомые друг другу молодые люди, между которыми начинают формироваться межличностные отношения. Полностью меняется среда проживания: часть студентов начинает жить в общежитии или на частных квартирах, другая – в «семье» родственников.

Объект III – место проживания. Приезд в город ставит перед студентом реальные жизненные проблемы и одна из самых главных связана с устройством на жительство. Многие исследования причин миграции, проведенные в нашей стране в разные годы, показали, что устойчивым фактором, влияющим на миграционную подвижность населения, является наличие жилья. У студента есть три варианта решения данного вопроса – жить с родст-

вспениками, в общежитии или снимать квартиру. Многие студенты за период своего обучения в высшем заведении неоднократно меняют места проживания.

Объект IV – социальная среда: горожане, земляки. Важнейшую роль в социальной адаптации сельской молодежи играет взаимодействие с социальной средой, степень включенности субъекта в то или иное общество.

В результате нашего исследования были выделены три группы студентов в соответствии с успешностью прохождения процесса адаптации.

Первая группа – дезадаптированная. Студенты, вошедшие в данную группу, не смогли адаптироваться в социокультурном пространстве, не построили новых коммуникативных связей. Испытывают враждебное отношение к городу, горожанам, учебному процессу в вузе, не заинтересованы в получении диплома и знаний.

Вторая группа – пассивно адаптированная. Представители данной группы за годы обучения в вузе либо «варились в собственном соку», то есть круг общения был представлен родо-земляческим кругом, либо наоборот, преимущественно городскими. Цели поступления в высшее учебное заведение объясняют по-разному: от желания получить «корочку» диплома до получения знаний, которые помогут устроиться в дальнейшем, то есть обеспечить социальную защищенность.

Третья группа – активно адаптированная. Студенты этой группы наиболее успешно адаптировались в социокультурной среде высшего учебного заведения и, шире, города Улан-Удэ. Осознавая себя (деревенских) как «целостность», молодые люди активно строили социальные связи с городскими. Цели получения высшего образования также различны: желание обладать статусом образованного человека, карьерные устремления.

Подытожив вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в постсоветской Бурятии, и, прежде всего городе Улан-Удэ, представлен значительный диапазон культурных стратегий молодежи. Главным отличием между стратегиями выступает не место проживания, уровень материального достатка, образования и т.п., а культурный фактор. Так, представители неформальной молодежи города выстраивают свою идентичность, противопоставляя культурные притязания своей общности предпочтениям «остальной» молодежи: сельской, «конвенциональной», в том числе криминальной. Отличие «обычной» молодежи от неформалов заключается в неопределенности стилевых и музыкальных предпочтений. Основной стратегией сельской молодежи становится адаптация к городскому социокультурному пространству.

Литература

1. Молодежная субкультура: Учеб. пособие / С. И. Левикова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.
2. Исламшина Т.Г. Молодежные субкультуры / Т.Г. Исламшина. Казань: КТГУ, 1997.
3. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т.Б. Щепанская. – М.: ОГИ, 2004.
4. Давыдов Ю.Н. Социология контркультуры / Ю.Н. Давыдов, И.Б. Роднянская. – М., 1980.
5. Омельченко Е.Л. Молодежь: открытый вопрос / Е.Л. Омельченко. – Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004.
6. Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход / М. Соколов // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга: социологический и антропологический анализ / под ред. В. Костюшевой. СПб.: Норма, 1999.
7. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. – СПб.: Алетейя, 2004.
8. Омельченко Е.Л. Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или как гопники вытесняют неформалов 23 мая 2006 / Е.Л. Омельченко (<http://www.polit.ru>). Ульяновск.
9. Омельченко Е.Л. Поп-культурная революция или перестроенный римейк: современный контекст молодежного вопроса / Е.Л. Омельченко // Поколения. net.: хроники событий. – Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2007.
10. Омельченко Е. Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? / Е.Л. Омельченко // Поколения. net.: хроники событий. – Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2007.

Literature

1. The youth subculture: The educative manual / P. I. Levikova. – Moscow: FAIR-PRESS, 2004.
2. Islamshina T.G. and others. Youth subcultures. Kazan: KTSU, 1997.
3. Schepanskaya T.B. The system: texts and traditions of subculture. – Moscow: OGI, 2004.
4. Davydov Yu.N., Rodnyanskaya I.B. Sociology and centre cultures. Moscow, 1980.
5. Omelchenko E.L. The youth: The open question. Ulyanovsk: the publishing house «Simbirskaya kniga», 2004.
6. Sokolov M. Subcultural measurement of social movements: cognitive approach // Youth movements and subcultures of Saint-Petersbourg: social and anthropological analysis / Under the edition of V. Kostyusheva. Saint - Petersburg: Norma, 1999.
7. Looking at the West: Cultural globalization and Russian youth subcultures. – Saint - Petersburg: Aleteya, 2004.
8. Omelchenko E.L. Ritual battles on the Russian youth's stages at the beginning of the century, or the way how gopniki oust the informals May 23th 2006, (<http://www.polit.ru>).
9. Omelchenko E.L. Pop-cultural revolutions or postreconstructional remake: Modern context of youth matter // Generations. net.: the chronicals of the events. – Ulyanovsk: The publishing house of Ulyanovsk state university, 2007.
10. Omelchenko E. L. Subcultural and cultural strategies for the youth stage of the end of XX century. // Generations. net.: the chronicles of the events. – Ulyanovsk: The publishing house of Ulyanovsk State university, 2007.